

ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Анализ электоральных предпочтений в России в 1993–2003 гг.: динамика индекса поляризованности

Алескеров Ф.Т., Бородин А.Д., Каспэ С.И.,
Маршаков В.А., Салмин А.М.

Анализ структуры электоральных предпочтений является одним из основных направлений исследований в политологии. При этом важное место отводится разработке показателей, с помощью которых можно количественно охарактеризовать эту структуру и ее динамику. В работе для характеристики динамики политических предпочтений различных групп общества используется индекс поляризованности, предложенный в [1]. В качестве исходных данных о предпочтениях избирателей используются данные о выборах в Думу РФ 1993–2003 гг. Анализ динамики индекса поляризованности, рассчитанного по данным разной степени агрегированности – для России в целом и для субъектов Федерации по отдельности – позволил выявить ряд основных тенденций в поведении российского электората.

1. Введение

Исследование структуры электоральных предпочтений представляет собой одно из традиционных и наиболее развитых направлений политической науки. Одним из методов исследования является разработка таких интегративных показателей, которые позволили бы количественно охарактеризовать текущее состояние политического пространства.

В настоящей работе предлагается подход к решению этой задачи с использованием одного из возможных показателей такого рода – *индекса поляризованности*.

Понятно, что политически референтные установки/ориентации граждан существенно различны. Выраженная количественно степень однородности/неод-

---

Алескеров Ф.Т. – д. техн. н., профессор, зав. кафедрой высшей математики на факультете экономики ГУ ВШЭ, директор Центра исследования политических процессов Института проблем управления РАН.

Бородин А.Д. – аспирант ГУ ВШЭ.

Каспэ С.И. – к. политич. н., доцент кафедры общей политологии ГУ ВШЭ, руководитель аналитической службы Фонда «Российский общественно-политический центр».

Маршаков В.А. – студент факультета прикладной политологии ГУ ВШЭ.

Салмин А.М. – д. историч. н., профессор, президент фонда «Российский общественно-политический центр», председатель российского национального комитета политической социологии, президент Ассоциации центров политического консультирования.

Статья поступила в Редакцию в апреле 2005 г.

нородности суммы этих установок/ориентаций могла бы служить важнейшей характеристикой политического сообщества.

Простейший предельный случай – когда все сообщество без остатка разделено на две численно равные группы, придерживающиеся диаметрально противоположных позиций по всем политически референтным вопросам. Поляризованность такого общества была бы максимальной. Конечно, в реальной массовой политике подобная ситуация, равно как и полный консенсус (гомогенность политических ориентаций), вряд ли возможны, и значение любого (нормализованного) *индекса поляризованности*, независимо от методики его исчисления, должно находиться в интервале от единицы (максимальная поляризованность) до нуля.

Данная работа структурирована следующим образом. В разделе 2 описаны основные направления в литературе, посвященной анализу политической поляризованности. Далее, в разделе 3 приведена методика расчета индекса поляризованности, а в разделе 4 – описание данных, использованных для вычислений. Наконец, разделы 5 и 6 посвящены анализу динамики индекса в общероссийском и региональном разрезе. В разделе 7 приведены заключительные комментарии.

2. О понятии поляризованности в литературе

Концепция поляризованности была разработана в том виде, в котором она используется в нашей работе, применительно прежде всего к анализу имущественного неравенства. При этом исследователи, изучавшие влияние неравенства на стабильность и потенциал внутреннего конфликта, приходили к достаточно противоречивым выводам (так, в [19] автор ссылается на три работы, свидетельствующие, соответственно, о наличии положительной связи между этими параметрами, отрицательной связи, а также о полном отсутствии взаимовлияния). Впоследствии вышел ряд работ [12, 13, 16], в которых было показано, что индексы, используемые для измерения неравенства, прежде всего индекс Джини, некорректно использовать в ряде ситуаций для сравнительного анализа степени неравномерности распределения населения по какому-либо одному параметру (например, уровню дохода). В работе [13] были сформулированы базовые условия, которым должен удовлетворять любой подобный индекс, который авторы назвали индексом поляризованности, так как с его помощью удобно измерять не только неравенство, но и степень антагонизма между группами с разными значениями релевантного параметра. В то же время в этих работах не предлагалась однозначная спецификация параметров индекса. Один из возможных (вероятно, самых простых) вариантов спецификации был предложен в [1]. В нашей работе мы будем использовать именно этот индекс.

Важность анализа поляризованности для понимания динамики политической конъюнктуры и тесно связанных с ней экономических и социальных вопросов подчеркивалась в ряде исследований. Так, например, в конце прошлого века ряд работ был посвящен анализу волатильности поведения британского электората [8, 9, 15, 17]. Авторы исследовали растущую региональную поляризацию голосующих и пытались ответить на вопрос, является ли она следствием потенциально нарастающих противоречий между жителями севера и юга Британии (или каких-либо иных систематических изменений общественного мнения) или же возникла в результате неравномерных и, вообще говоря, независимых друг от друга колебаний в политической самоидентификации населения различных регионов, случайным образом нейтрализующих или усиливающих общую тенденцию.

Существует несколько точек зрения на вопрос о влиянии политической поляризованности на функционирование парламента. Так, в работе Т. Фрая [14] показано, что наличие сильной сплоченной оппозиции в парламенте в странах с переходной экономикой по ряду причин значимо негативно влияет на темпы роста ВВП. В то же время (как упоминает Фрай), некоторые исследователи полагают, что наличие такой оппозиции может снизить угрозу «частичных реформ» (ситуации, когда правящая элита блокирует дальнейшие реформы, останавливаясь на мерах, максимально благоприятных для ее собственных интересов).

Робертсон [20] показал, что поляризованность значимо влияет на размер выигрывающих коалиций в парламентах стран западной Европы 1956–1984 гг., при этом для построения меры «идеологической поляризованности» автором была использована методология, сходная с использованной нами. Однако в качестве меры поляризованности был взят иной индекс, предложенный в [10]. Оценки позиционирования политических партий на одномерной «лево-правой» шкале были составлены автором по ранее публиковавшимся оценкам различий в социально-экономической политике партий [5, 6, 10, 18, 21].

В работах Фрая и Робертсона речь идет о поляризованности парламента, которая является следствием поляризованности общества, да и то лишь в определенной мере (обусловленной, в частности, правилами распределения мест в парламенте). В нашей же работе исследуется поляризованность общества.

3. Индекс поляризованности и его расчет

Основным источником информации о составе и структуре политических мнений определенного общества традиционно принято считать результаты проходящих в нем национальных выборов. Предполагаемым содержательным различиям политически референтных установок и ориентаций, носителями которых выступают граждане, соответствуют содержательные различия в идеологии, программах политических акторов, фигурирующих в избирательном бюллетене. Стандартным средством структурирования этих различий является условное изображение политического пространства как организованного на некоей оси, позволяющей ранжировать электоральных «игроков» по определенному признаку [6, 10, 11]. В данной работе мы рассматриваем шкалу «левые-правые» для трех различных проявлений свободы, предложенную в [4]:

- *социально-экономическая* свобода (шкала «государственная опека»/«самостоятельность в условиях рынка»);
- *политическая* свобода (шкала «авторитарность»/«демократизм»);
- *культурная* свобода («закрытость»/«открытость» общества и страны, что в современной России чаще всего, хотя не исключительно, проявляется в оппозиции «западничество»/«почвенничество»).

Размещая политических акторов на описанных осях, необходимо присвоить каждому из них некоторое значение p_i , отражающее его позицию по каждому из указанных вопросов. При этом предполагается, что для однозначного определения координат того или иного политического объекта на оси, в принципе, достаточно четырех простых формулировок – «крайняя выраженность позиции», «типичная позиция», «смягченная или размытая позиция», «нев्यраженная (в заданных терминах) позиция» (условно 3, 2, 1, 0). С учетом развертывания шкалы влево/вправо

от нуля на каждой шкале таких позиций будет всего семь (-3, -2, -1, 0, 1, 2, 3). Для условной шкалы «левые-правые» эти позиции можно обозначить как «крайне левые», «левые», «левый центр», «центр», «правый центр», «правые», «крайне правые».

Индекс поляризованности рассчитывается следующим образом¹: предположим, что нам известны доли индивидов v_i , входящих в ту или иную из n различных групп, $i=1, \dots, n$, причем $\sum_{i=1}^n v_i = 1$. Также пусть для каждой группы возможно однозначно определить, как она позиционирована на условной нормированной шкале признака, по которому проводится разбиение (в нашем случае таким признаком является самоидентификация на шкале «левые-правые»). Положению i -ой группы на шкале присваивается значение p_i , $0 \leq p_i \leq 1$.

Для определения индекса поляризованности вначале рассчитаем «центр масс» системы точек p_i , считая, что в каждой из них сосредоточена «масса» v_i . Тогда

$$c = \frac{\sum_{k=1}^n v_k p_k}{\sum_{k=1}^n v_k}.$$

После этого показатель поляризованности может быть рассчитан по формуле

$$P = 2 \sum_{i=1}^n v_i |p_i - c|.$$

Для расчета значений индекса поляризованности были использованы данные о результатах выборов в Государственную Думу РФ (по стране в целом – за 1993–2003 гг., по субъектам Федерации и территориальным избирательным комиссиям (ТИК)² – за 1995–2003 гг.). Эти данные могут рассматриваться как наиболее достоверный из всех возможных источников информации о структуре политических мнений общества.

При этом позиции партий на трех шкалах «измерений свободы» принимаются в качестве p_i , а в качестве v_i берутся доли голосов, поданных за партии на выборах³.

В силу того, что для расчета индекса поляризованности необходимо, чтобы позиции групп p_i принадлежали отрезку $[0, 1]$, оценки на каждой из шкал были модифицированы – позиции «крайне левые» было присвоено значение $p_i = 0,1$, позиции «левые» – $p_i = 0,2$, и так далее до $p_i = 0,7$ для «крайне правых».

Максимальное значение индекса поляризованности, таким образом, достигается в случае, когда половина индивидов в обществе состоит в группе с $p_i = 0,1$, а вторая половина – в группе с $p_i = 0,7$. Минимальное же его значение, очевидно, соответствует ситуации, когда существует лишь одна группа (произвольно распо-

¹) Индекс поляризованности введен в [1].

²) Каждая такая комиссия обрабатывает данные отдельного района, города или округа, в среднем по 15–20 тыс. избирательных бюллетеней.

³) Очевидно, сумма v_i будет меньше единицы на величину поданных, но признанных недействительными бюллетеней. Однако эта величина незначительна (по анализируемым данным она не превышает 1,5% от общего числа голосов).

женная на шкале признака!), включающая все общество. В этом случае, очевидно, $P = 0$.

Таким образом, максимальное значение индекса P соответствует наибольшей поляризованности общества, а минимальное – ее отсутствию. Поскольку в рассматриваемом нами в данной работе случае позиции партии колеблются от 0,1 до 0,7, то максимальное значение ненормированного индекса поляризованности, как это нетрудно посчитать, будет равно 0,6. Для наглядности представления результатов значения, полученные в ходе вычислений, нормировались так, чтобы диапазон значений индекса составлял $[0;1]$:

$$P^{\text{норм}} = P / (\text{Max}(P) - \text{Min}(P)) = P / 0,6,$$

где $P^{\text{норм}}$ – нормированный индекс;

P – индекс, рассчитанный по приведенной выше методике.

4. Данные

Для составления базы данных была собрана, обобщена и систематизирована информация о результатах выборов в Государственную Думу за десять лет, опубликованная на официальном сайте ЦИК, сайте информационной системы Национальной службы новостей⁴⁾, а также использованы данные, предоставленные фондом РОПЦ (Российский общественно-политический центр). В эту базу вошла детализированная информация о количестве голосов, подававшихся за участвовавшие в выборах партии, что позволило проводить расчеты не только на общероссийском уровне, но и на уровне субъектов Федерации и даже ТИК. По каждой ТИК обрабатывалась следующая информация:

- число зарегистрированных избирателей;
- количество поданных действительных бюллетеней;
- количество поданных недействительных (заполненных с нарушениями установленных правил) бюллетеней;
- количество голосов, поданных за каждую из участвовавших в выборах партий (из числа действительных бюллетеней);
- количество голосов «против всех».

Кроме того, однозначно прописывалась принадлежность ТИК к тому или иному избирательному округу (а для округов, соответственно – к конкретному субъекту РФ), что и позволило работать с данными любой степени агрегирования.

5. Динамика индекса поляризованности в общероссийском аспекте

Результаты расчетов сводного индекса по стране представлены в табл. 1.

Поляризованность для России в отличие от расчетов для субъектов Федерации была рассчитана по итогам всех четырех выборов, так как данные о результатах выборов 1993 г. даже в региональном разрезе (не говоря уже об уровне территориальных избирательных комиссий) сегодня недоступны.

---

⁴⁾ См. <http://www.cikrf.ru>, <http://www.nns.ru/elects/izbobyed/>

Таблица 1.

Средние значения индекса поляризованности по России

	1993	1995	1999	2003
Социально-экономическая ось	0,35	0,37	0,42	0,37
Политическая ось	0,52	0,50	0,58	0,57
Культурная ось	0,62	0,48	0,43	0,43

Результаты расчетов сводного индекса поляризованности позволяют проанализировать общероссийскую динамику изменений показателя (см. рис. 1).

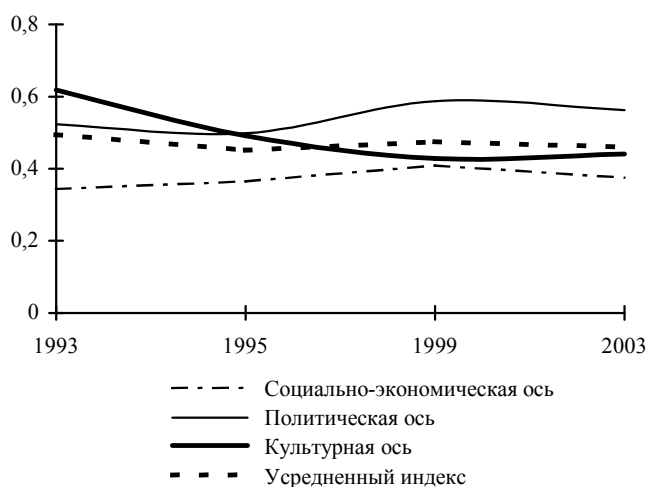

Рис. 1. Индекс поляризованности в общероссийском аспекте

Из рисунка видно, что поляризованность электоральных предпочтений по социально-экономической оси неуклонно возрастала в течение всех 1990-х гг. и лишь в 2003 г. несколько снизилась. Поляризованность по политической оси колебалась волнообразно, но пиковое ее значение также приходится на 1999 г. Индекс поляризованности по культурной оси, напротив, в течение всех 1990-х гг. снижался, с минимумом в 1999 г., а в 2003 г. вновь немного возрос.

Интерпретация этих колебаний не вызывает особых затруднений, что служит косвенным доказательством обоснованности такого способа расчета индекса поляризованности. Рост поляризованности на социально-экономической оси в 1993–1999 гг., видимо, связан и с тяжелым общим состоянием российской экономики, и с тем, что экономическое положение одних групп в течение этого временного отрезка ухудшалось, в то время как других (существенно более малочисленных), напротив, улучшалось. Снижение же поляризованности, отмеченное в 2003 г., скорее всего, связано с определенной экономической стабилизацией, дополненной уже довольно продолжительным периодом экономического роста. Поляризованность по политической оси была выше среднего в 1993 г. (когда на выборах еще лежала тень недавно за-

вершившегося острейшего политического кризиса) и в 1999 г. (когда также политический по своей природе кризис, связанный с неопределенностью будущего страны после ухода президента Ельцина, был в самом разгаре). В то же время 1995 г. и особенно 2003 г. были в политическом отношении сравнительно спокойнее – по крайней мере, «цена вопроса» в ходе этих кампаний была далеко не столь велика. Наконец, как отмечалось выше, политическая референтность культурного измерения свободы в 1990-е гг. сокращалась – по крайней мере, традиционный для России спор «западников» и «почвенников» все более явно исчерпывал себя, что и отразилось в неуклонном снижении поляризованности по культурной оси.

Отметим также то обстоятельство, что на протяжении вот уже четырех имевших место в России парламентских выборов колебания поляризованности электро-ральных предпочтений по различным осям взаимно компенсировали друг друга – отклонение вверх по одной оси всегда сопровождалось отклонением вниз по другой. «Асинхронность» отклонений и обеспечила практически гладкий вид кривой усредненного индекса (рассчитанного как простое среднее арифметическое значений индексов поляризованности по трем осям).

6. Динамика индекса поляризованности в региональном аспекте

Расчет индекса поляризованности на материале тех же самых выборов в федеральный парламент, но отдельно для каждого из 88 субъектов Российской Федерации, рассматриваемых в нашем исследовании (по очевидным причинам не включена в эту совокупность Чеченская республика), позволяет проанализировать динамику значений показателя по всем трем осям «измерений свободы» – социально-экономической, политической и культурной – и сделать ряд дополнительных наблюдений⁵⁾.

Прежде всего привлекает внимание амплитуда колебаний индекса по регионам, т.е. разница между наибольшим и наименьшим значениями регионального индекса поляризованности.

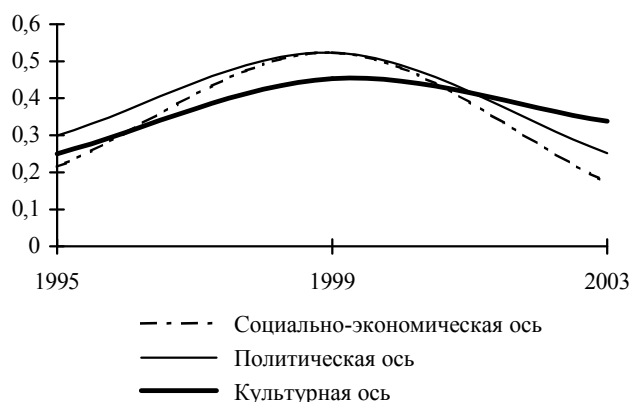

Рис. 2. Амплитуда колебаний регионального индекса поляризованности

⁵⁾ Результаты расчетов приведены в [2].

Так, по оси социально-экономической свободы эта амплитуда значительно возрастает в 1999 г. по сравнению с 1995 г. (0,523 и 0,215 соответственно), но затем еще более значительно сокращается к 2003 г. (0,173), демонстрируя тем самым определенное нивелирование субъектов Федерации по этому критерию. Объяснение этого факта в целом позитивной экономической динамикой последних лет является самым очевидным и, вероятно, самым правильным. Во всяком случае, никакое другое объяснение не выглядит на данный момент явно конкурентоспособным в сравнении с этим.

Сходную динамику имеет и размах колебаний индекса по политической оси: резкий рост к 1999 г. (от 0,3 до 0,523) и столь же резкое падение к 2003 г. (до 0,252), также «пробивающее» порог 1995 г. Действительно, в течение 1990-х гг. (и особенно второй их половины) региональные элиты становились все более автономными политическими игроками, транслируя соответствующие электоральные предпочтения «своим» избирателям. Уже в силу этого различия в характере региональных политических процессов росли, в том числе и различия в степени поляризованности мнений. Напомним, что в 1999 г. в обеих жестко противостоявших друг другу «партиях власти» (прошлой, советской и нынешней – бюрократической) региональная составляющая была весьма сильна. Усиление же гомогенности российского политического пространства и существенная деавтономизация региональных элит, последовавшие в течение первого срока президентства В. Путина, повлекли за собой, как и в случае оси социально-экономической, выраженное нивелирование субъектов Федерации.

В то же время амплитуда региональных колебаний индекса поляризованности по оси культурной свободы, также резко увеличившись к 1999 г. по сравнению с 1995 г. (от 0,25 до 0,453), в 2003 г. снизилась в меньшей степени, сохранив заметное превышение над исходным уровнем (0,338). И этот факт легко укладывается в рамки выдвинутой гипотезы о росте политической референтности темы нации, причем продолжение этого роста, в принципе, может превратить ее в перспективе в доминирующую.

Интересно также проанализировать группы регионов, характеризующиеся экстремально высоким либо экстремально низким уровнями поляризованности электоральных предпочтений, т.е. вошедшие в верхние и нижние квартили распределений значений индекса поляризованности по всем трем осям в разные годы рассматриваемого периода. Привлекает внимание то обстоятельство, что в нижние квартили распределений по всем трем осям (за все годы «наблюдений») входили преимущественно национальные республики и автономные округа, в то время как в верхнем квартиле субъектов Федерации этого типа оказывалось, как правило, заметно меньше. При том, что всего из 88 рассматриваемых в нашем исследовании субъектов Федерации национальных республик и округов насчитывается 31, а квартиль включает в себя 22 региона, нормальная их доля на квартиль составила бы 7-8. Между тем, в нижнем квартиле социально-экономической оси она равна в среднем за весь период 14, политической – 11, культурной – 15, в то время как в верхнем – 8, 5 и 4 соответственно. В то же время в этих регионах наблюдался повышенный (выше среднего по стране) уровень явки, и по итогам выборов определялся **один** явный фаворит, что и обуславливает низкие значения индекса⁶⁾. Наиболее распространенным в литературе и экспертной практи-

⁶⁾ Альтернативным объяснением низких значений индекса мог бы служить и противоположный исход, т.е. максимально равномерное распределение голосов. Однако имела место именно ситуация, описанная в тексте.

ке объяснением этого феномена является тезис о зависимости исхода голосований в этих регионах от «административного ресурса», т.е. от специфики сформировавшихся в них (по крайней мере, в большинстве) региональных политических режимов. Индикатором мощности «административного ресурса» принято считать повышенный (существенно превышающий средний по стране) уровень явки. Как правило, использование специфических административных технологий для повышения явки, о котором впервые заговорили после парламентской кампании 1995 г., отмечается именно в национальных республиках и автономных округах. Сохраняется эта особенность региональных политических процессов и в годы президентства Путина.

В то же время «административный ресурс» вряд ли может быть признан детерминирующим электоральное поведение фактором. Необходимо также учитывать влияние социально сконструированных санкций и норм – таких, как социальный престиж и социальное порицание, – ограничивающих возможности девиантного поведения и увеличивающих удельный вес конформных мотиваций в общем массиве политически референтных установок и стереотипов. Так, в [7] показано, что многие индивиды проявляют при голосовании так называемый «социальный конформизм», т.е. останавливают свой выбор не на максимально близкой к их собственной позиции альтернативе, а на кандидате или партии, политическую идентификацию с которым они считают принятой для своей социальной группы или класса.

Участие в выборах в России является социально одобряемым действием, более того, выражением политической лояльности, а абсентеизм воспринимается как дефицит последней. Поэтому индикатором конформности при волеизъявлении избирателей можно, наряду со стремлением голосовать за предположительно лучшего для своей социальной группы кандидата, также считать сам по себе факт участия в выборах. В случае, если она приближается к 50%, можно говорить о невысоком уровне конформизма, т.е. о ситуации, когда в обществе отсутствует массовое стремление соответствовать социально одобряемым неформальным правилам (по поводу участия в выборах)⁷⁾. Таким образом, при низком уровне абсентеизма (высокой явке) можно ожидать сравнительно меньшей поляризованности электоральных предпочтений. Другими словами, в ситуации, когда люди идут на выборы по личным соображениям, а не потому, что так делают все вокруг (и считают непроголосовавших «отщепенцами»), больше вероятность того, что и голосовать они станут, не оглядываясь на мнение окружающих, а в соответствии с собственными предпочтениями. Результаты такого голосования, при прочих равных условиях, будут, по крайней мере, не менее гетерогенными, чем при «коллективном голосовании». Поэтому, вообще говоря, можно ожидать большей поляризованности.

Чтобы проверить данную гипотезу, был проведен регрессионный анализ соотношения явки и индекса поляризованности (по всем трем осям) в разрезе территориальных избирательных комиссий по результатам выборов 2003 г. Результаты (см. табл. 2) свидетельствуют о наличии значимой взаимосвязи между явкой и значением индекса поляризованности по всем трем осям: начиная с уровня примерно в 50% (регионов, где явка была бы значительно ниже, на парламентских выборах 2003 г. не было), чем выше явка избирателей, тем ниже индекс поляризованности.

---

⁷⁾ Подробнее о логике и предпосылках, обосновывающих данное рассуждение, см.: [3, 7].

В табл. 2 приведены коэффициенты для уравнений вида $P=a_0 + a_1t + a_2t^2$, где t – явка, рассчитанная как отношение количества действительных и недействительных погашенных бюллетеней к общему количеству избирателей, зарегистрированных в ТИК; P – индекс поляризованности по каждой оси; a_0, a_1, a_2 – оцениваемые коэффициенты.

Таблица 2.

Результаты регрессионного анализа

Коэффициенты	Социально-экономическая ось	Политическая ось	Культурная ось
a_0	0,004	0,053	0,165
a_1	0,735	0,998	0,450
a_2	-0,625	-0,896	-0,524
R^2	0,355	0,442	0,491

Таким образом, можно сказать, что самая низкая поляризованность наблюдается там, где явка высока (т.е. преимущественно в национальных республиках и автономных округах, формирующих нижние квантили распределения значений индекса по всем трем «измерениям свободы»). Мощност «административного ресурса» и степень конформности политической культуры, безусловно, содержательно коррелируют; однако вряд ли причинно-следственная связь в этом случае носит односторонний характер.

Представляет интерес динамика индекса поляризованности в группе так называемых «электорально емких» регионов, т.е. располагающих наибольшим количеством зарегистрированных избирателей.

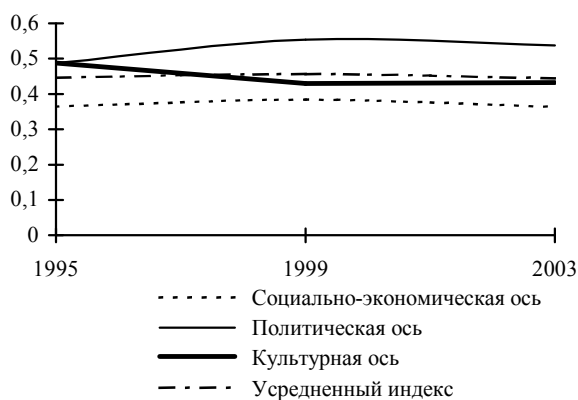

Рис. 3. Индекс поляризованности для десяти «электорально емких» регионов

Именно в них прежде всего решается судьба любой федеральной избирательной кампании, и именно на них по этой причине в приоритетном порядке сконцентрированы усилия и ресурсы избирательных штабов. Эту группу составляют Мо-

сква, Московская область, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Свердловская область, Ростовская область, республики Башкортостан и Татарстан, Челябинская область и Самарская область. Значения усредненного индекса для этой группы составляют соответственно 0,446, 0,456 и 0,444 за 1995, 1999 и 2003 гг. соответственно (см. рис. 3). Сравнивая рис. 1 и 3, легко заметить, что динамика индексов по всем осям в целом повторяет общероссийскую, отличаясь только большей сглаженностью графиков. В то же время примечательно, что за все годы наблюдений и по всем осям уровень поляризованности в «электорально емких» регионах оказывается ниже, чем по стране в целом. Конечно, это отклонение весьма незначительно; однако устойчивость тенденции позволяет заключить, что ценность «электорально емких» регионов для избирательных штабов дополнительно повышается относительно большей диверсификацией политических предпочтений населения.

7. Заключение

В данной статье приведены только некоторые примеры использования *индекса поляризованности* в анализе российского политического процесса – как на общенациональном, так и на региональном уровне. Авторы полагают, что продолжение работы в этих направлениях позволит обнаружить новые возможности этого аналитического инструмента.

На сегодняшний день перспективы применения предложенной методики связаны главным образом с четырьмя основными обстоятельствами. Во-первых, с возможностью «надстраивания» статистических рядов, открывающейся с каждым новыми выборами. Во-вторых, с разработкой более совершенных, менее субъективных методов локализации политических партий в политико-культурном пространстве. В-третьих – с уточнением смысла и с разработкой новых способов исчисления самого *индекса поляризованности*. В-четвертых, с возникновением новых политических контекстов, в которых подобная разработка станет не только возможной, но и необходимой.

Применение *индекса поляризованности* при анализе парламентских выборов в России дает ответы далеко не на все вопросы, относящиеся к структурированию российского политико-культурного пространства, однако без его использования дальнейший более углубленный анализ этого пространства едва ли возможен.

* *
*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алескеров Ф.Т., Голубенко М.А. Об оценке симметричности политических взглядов и поляризованности общества. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Алескеров Ф.Т., Бородин А.Д., Каспэ С.И., Маршаков В.А., Салмин А.М. Поляризованность электоральных предпочтений в России // Полития. 2004. № 2. С. 5–26.
3. Бородин А.Д. Согласованность коллективных действий в поведении российских избирателей // Экономический журнал ВШЭ. 2005. Т. 9. № 1.

4. *Каспэ С.И., Салмин А.М.* Измерения свободы: парламентский электоральный процесс в постсоветской России // *Полития*. 2000. № 3.
5. *Beyle K. Von.* *Political Parties in Western Democracies*. N.Y.: St. Martins Press, 1985.
6. *Browne E., Gleiber D., Mashoba C.* Evaluating Conflict of Interest Theory: Western European Cabinet Coalitions, 1945–1980 // *British Journal of Political Science*. 1984. № 14. P. 1–32.
7. *Coleman S.* The Effect of Social Conformity on Collective Voting Behavior // *Political Analysis*. 2004. Vol. 12. № 1.
8. *Crewe I.* The Electorate: Partisan Dealignment Ten Years on // *West European Politics*. 1983. № 6. P. 183–215.
9. *Curtice J., Steed M.* Electoral Choice and the Production of Government: The Changing Operation in the Electoral System in the United Kingdom Since 1955 // *British Journal of Political Science*. 1982. № 12. P. 249–298.
10. *Dodd L.* *Coalitions in Parliamentary Government*. Princeton University Press, 1976.
11. *Downs A.* *An Economic Theory of Democracy*. N.Y.: Wiley, 1957.
12. *Esteban J., Gardin C., Ray D.* Extensions of a Measure of Polarization with an Application to the Income Distribution of Five OECD Countries: Luxembourg Income Study Working Paper. 1999. Series 218.
13. *Esteban J., Ray D.* On the Measurement of Polarization // *Econometrica*. 1994. Vol. 62. № 4. P. 819–851.
14. *Frye T.* The Perils of Polarization. Economic Performance in the Postcommunist World // *World Politics* 2002. № 54. P. 308–337.
15. *Jonston R., Pattie C., Allsopp J.* *A Nation Dividing?* L.: Longmans, 1988.
16. *Lasso de la Vega, Casilda M., Urrutia A.M.* An Alternative Formulation of Esteban-Gardin-Ray Extended Measure of Polarization: Department of Applied Economics IV Basque Country University Discussion Paper. 2004. № 42.
17. *McAllister I., Studlar D.T.* Region and Voting in Britain, 1979–1987: Territorial Polarization or Artifact? // *American Journal of Political Science*. 1992. Vol. 36. № 1. P. 168–199.
18. *McHale V., Skowronski S.* (ed.) *Political Parties of Europe*. Westport, CT: Greenwood Press, 1983.
19. *Nagel J.* Inequality and Discontent: a Non-Linear Hypothesis // *World Politics*. 1974. Vol. 26. № 4. P. 453–472.
20. *Robertson J.* Economic Polarization and Cabinet Formation in Western Europe // *Legislative Studies Quarterly*. 1986. Vol. 11. № 4. P. 533–549.
21. *Smith G.* *Politics of Western Europe*. N.Y.: Holmes and Meier, 1980.